

Шёл третий час ожидания. Время тянулось медленно. В комнате находились пятеро взрослых и двое детей, один из них месяцев пяти. Все присутствующие — ожидальцы. Эпизодически то в одном, то в другом углу комнаты вспыхивал, как сухая солома, короткий разговор и моментально прогорал, оставляя за собой лишь пепел недосказанного.

Наблюдаю, как женщина средних лет в белой куртке и цветастой юбке пытается поднять сумку-рисовку, достигающую ей до середины бедра. Она сокрушённо качает головой и начинает перекидывать пакеты в меньшую сумку, убавляя вес в большей. Снова делает попытку оторвать вес сумок от пола уже двумя руками.

— Ну, как-нибудь дотащу до КПП, — и делает ещё одну попытку приподнять сумки, ни к кому не обращаясь.

Вижу, что за ней наблюдает молодой сухощавый мужчина, такой вертлявый, что не сразу уследишь, чем он к тебе повернулся: вроде спиной к тебе был — и уже лицом смотрит.

Он быстро вступает, создавая картину диалога:

— Вот когда я сидел на тридцать седьмой зоне, так там были дневальные, они и помогали перенести тяжёлые котомки. А сейчас... — он делает паузу, махнув рукой и быстро крутнувшись на одной ноге градусов на сто тридцать так, что его лицо анфас уже видно с противоположной стороны, и продолжает: — Не уважают сейчас посетителей. Ну вот как она пойдёт эти сумки? — уже обращаясь ко всем.

Женщина отчуждённо смотрит в его сторону.

— Дотащу, наверное, — с некоторым сомнением, далее утвердительно: — Своя ноша не тянет.

На этой фразе начавшийся было диалог обрывается.

Все молчат.

Замолчал и вертлявый, повернувшись спиной ко всем, высматривая что-то через стекло в пустом дворе, или, скорее, плаце.

За столом ещё две женщины, не вступив в разговор и не подняв головы, сосредоточенно разрывают чайные пакетики и вытряхивают содержимое в целлофановый пакет. Перед ними две коробки с чаем, на которых красуется надпись: «Принцесса Нури. 250 пакетиков».

— Эх, кто бы заранее подсказал, что чай можно только рассыпью,— сокрушённо говорит одна из них, вроде и своей соседке, и одновременно всем.

— А конфеты у вас в фантиках? — спрашивает третья женщина, явно перешагнувшая средние лета, повернувшись к ним вполоборота, насколько позволила шея, всего её упитанного туловища.

— Они там всё перешерстят, все пакеты вскроют и вывернут,— говорит четвёртая, самая молодая, с двумя детьми, тоном знающего человека, не поворачиваясь к собеседникам, глядя на красный ящик с двумя чёрными большими буквами «ПК».

— Это смотря какая смена,— быстро вступает вертлявый, уже отвернувшись от окна,— иногда даже внимания не обращают.

«У меня ведь тоже почти все конфеты в фантиках! — мелькает в моей голове паническая мысль.— Ну уж дудки, разворачивать фантик каждой мини-карамельки — ни за что! Ну, не примут так не примут. Без сладкого останется мой зэк»,— на этой мысли я и успокоился, вспоминая, как писал заявление на передачу денег.

В административный корпус вход почти свободный. За окном, как в регистратуре, только спросили: «Куда? — и подсказали, видя моё верчение головой в поиске каких-либо указателей: — По лестнице направо в конце коридора. Третий этаж, налево, справа на двери бюджет „БУХГАЛТЕРИЯ“».

Нашёл сразу.

В комнате пять женщин. Все в форме. Дресс-код, однако.

Почти у входа столик с авторучкой и образцами заявлений. Без расспросов и предисловий: «Присаживайтесь. Пишите».

Пишу заявление.

*В правом верхнем углу готовое казённое напечатанное: «Начальнику ФКУИК №... полковнику внутренней службы...»
«Надо же — внутренней. Наверное, есть и внешняя?»
«От...» — то есть от меня, и подробно пишу свои паспортные данные.*

«Ну, вот и „засветился“ в системе».

Продолжаю писать: «Прошу принять на лицевой счёт осуждённого...»

«Чёрт бы их всех побрал! Я должен ещё и упрасивать. „Прошу“! А если написать: „Умоляю принять“? Э-эх, надо было бы — написал бы... наверное».

Следую далее: «Ф.И.О., год рождения осуждённого», — это подсказка.

«Какой же год рождения? Если младше меня на два года, тогда так и напишу: 1959»

«Денежные средства в сумме (цифрами и прописью)», — снова подсказка.

«А если не денежные средства, а натуральные? Жареного поросёнка, к примеру! Думаю, не прокатит точно. Но представляю радостное лицо осуждённого, когда он принимает это средство! И слюни надзирателей».

Отмахиваюсь от наваждения моего бурного воображения и продолжаю.

«Подпись», — ставлю свою привычную недлинную закорючку.

Но что-то пошло не так, и я переписывал это заявление три раза. Терпения хватило и мне, и бухгалтеру — очень симпатичной, выраженного азиатского типа девушке.

Вроде же за казённый счёт сидят в тюрьме? Ан нет, и тут денежные знаки в обороте!

Двор, вернее, обширная, покрытая свежим асфальтом площадь окружена одно-, двух- и четырёхэтажными зданиями, обшитыми алюминиевыми гофрированными листами, переходящими в промежутках между ними в сплошной забор, без ворот и калиток. В общем — глухой алюминиевый двор. Чистота кругом абсолютная, ни соринки, ни тем более окурка.

Двери, смотрящие во двор-плац, иногда открываются, и люди в чёрной форме выходят или, точнее, выскальзывают из них как-то боком и очень быстро пересекают открытое пространство, не останавливаясь, исчезают за другими дверями, тоже проскользнув в них боком.

Чувствуется, что за периметром заборов и зданий, где-то в глубине, идёт другая, тайная жизнь.

В тюремный круговорот неизбежно втягивается ближний круг родственников. Будто неумолимый смерч, который всасывает всё на своём пути, затянул и меня. Все вдруг тоже стали наказанными и отбывают срок вместе с осуждёнными. Мы будем отбывать этот срок «от звонка до звонка», а если в укороченном варианте, то по УДО (условно-досрочное освобождение).

Круговая порука.

Система пенитенциарная. Пеня — штраф.

Там, за забором, зона.

На зоне живут зэки. Не люди, но зэки, или зэка́.

Заключённые — за ключом. Двери от свободы закрыты на замок ключом.

«Что они натворили? За что были осуждены все эти сидельцы? Может, они боролись за свободу? Может быть, они отстаивали свои права? Может, их убеждения вошли в противоречие с существующими правилами, и их отправили для исправления? Может быть, религиозные убеждения подтолкнули их на протест, и теперь они мученики? А вот и нет! Все почти — нарушившие одну единственную заповедь: не делай ближнему того, него себе не пожелаешь,— с производными: не укради, не возжелай...»

Течение моих мыслей прерывает резкий звонок телефона, тихо до поры до времени стоявшего на столе справа от меня.

Мне объяснили опытные присутствующие, что звонок из зоны, трубку брать обязательно.

Автоматически беру увесистую эбонитовую трубку телефона. Я ближе всех к ней.

— Алё! Здравствуйте!

— Иванов есть? — молодой женский голос.

— Есть. Как раз я Иванов.

— Идите через двор к двери напротив. Вас ждут.

Гудки. Кладу трубку.

Чувствуется отработанная лаконичность подачи информации.

Подхватываю свою сумку и, не прощаясь, быстро выхожу из комнаты ожидания. Пересекаю двор-плац, несколько спеша, внутреннее беспокойство подгоняет: как бы не опоздать. Подхожу почти вплотную. Передо мной оказываются две двери. Стыки подогнаны так, что издали их и не рассмотреть.

Около правой двери от меня стоит и курит человек в форме, посматривает в мою сторону. Не дожидаясь моего вопроса, когда я уже вдохнул воздух, чтобы задать его: «Мне куда на передачку?» — спросил меня:

— Вы на передачку или свидание?

— Да! — выдохнул я.

— Вам в ту, — и, указав на правую от меня дверь, отворачивается, исчерпав весь интерес ко мне.

Делаю примерно пять шагов, останавливаюсь у двери, смотрю на неё, как тот баран. Ручки никакой нет, чтобы открыть, кнопок тоже никаких нет, чтобы оповестить о своём прибытии. Глазка какого-либо не видно. Всё говорит о том, что дверь открывается только изнутри.

«Постучать, что ли?»

И снова меня опережают.

— Вы Иванов? — голос откуда-то из стены, справа от двери.

— Да.

— Подождите.

И только сейчас замечаю над дверью, сантиметрах в трёх, чёрный глазок фотокамеры, который можно принять за болт или гайку.

«Да, техника, однако, на уровне в пенитенциарной системе! Мне не видно, а им — всё».

В подтверждение моих рассуждений где-то в толще стены послышался тихий щелчок, и дверь плавно открылась настолько, чтобы можно было пройти одному человеку. Два шага — и дверь тут же закрывается с таким же тихим, но надёжным звуком.

«Ну вот и я по ту сторону от свободы, то есть в зоне не-свободы».

Это ощущение становится физически реальным.

Я оказываюсь в узком и коротком коридорчике-тамбуре, примерно два на три метра. Чувствую себя зажатым в этих зелёно-блёклых стенах.

Передо мной ещё одна дверь-решётка. За решёткой пространство более обширное, далее ещё одна решётка. Между двумя этими решётками на стуле сидит охранник крепкого сложения в расслабленной позе, нога на ногу. Перед ним за стеклом регистратуры молоденькая девушка в форме.

Охранник зевает, прикрывая рот ладонью, будто не замечая меня и обращаясь к девушке за стеклом:

— Что-то есть хочется. Скоро обед?

Он встаёт со стула и слегка потягивается, разминаясь. Росту в нём никак не меньше чем метр девяносто, если не больше! При одном взгляде на него чувствуется богатырская сила.

«Такому нужно хорошо питаться, регулярно, много и часто». И я тоже вдруг ощутил голод, нестерпимо захотелось есть. Где-то в глубине моего живота уркнул кишечник, но похоже, что его услышал только я.

— Ты на государевой службе. Обед по расписанию,— девушка улыбается.

Он ей явно нравится. Кокетничает. Всем лицом, шеей, грудью демонстрирует своё к нему неравнодушие.

«Где ты ещё найдёшь такой экземпляр человеческого самца? Ишь какой здоровенный! Охмуряй его, девочка! Охмуряй!» — мысленно подбадриваю её в этом служебном флирте.

Наконец охранник обращает на меня внимание.

— Здравствуйте. Личные вещи положите в камеру хранения справа от вас.

И точно! Справа от меня, вдоль стены, несколько металлических ящичков, как в супермаркете, и ключик с номерком. Я занял ящик под номером пять.

— Передачу оставьте при себе. Заходите.

Голос мягкий, без металла.

Щёлкает замок решётчатой двери, и следует автоматическое её открытие.

«Дистанционно открыл». Но какого-либо пульта я не заметил. «Виртуоз, однако, какой».

Захожу в очередной тамбур с охранником. Сзади щёлкает дверь-решётка.

— Поставьте пакет на пол. Руки в стороны.

Подчиняюсь командам, хоть мне и не давали каких-либо наставлений. Всё с первого раза получилось! Абсолютное ощущение несвободы действий.

Охранник проводит по мне сверху вниз и наоборот металлоискателем. Точно в аэропорту каком. Начинаю звенеть от карманов и до шеи.

— Телефон, монеты, часы положите вот в эту коробочку,— указывает на коробку на маленькой тумбочке.

Выполняю всё. Снова звенит!

— Ремень с пряжкой?

— Да. И крест на цепочке. Снимать?

— Не нужно. Потом заберёте.

— Хорошо.

— Паспорт,— раздаётся женский голос из-за стекла, как в регистратуре.

Подаю паспорт через щель между подоконником и стеклом. «Бронированное, наверное?» — хотел спросить, но промолчал.

Стою лицом к регистратуре, позади меня этот здоровенный охранник.

Девушка-контролёр (не регистратор же или, как сейчас, рецепционист) не спеша листает мой паспорт, затем кладёт его под крышку ксерокса.

— Вы кем приходитесь осуждённому?

— Брат. Родный,— уточняю я.

«Осуждённый, суд, осудили, присудили. А как же: не суди — да не будешь судим? Пожалуй, это из другой оперы. Он же „заработал“ свой срок, вот теперь отдыхает от работы».

Ход мыслей и логической конструкции прерывается голосом девушки за стеклом:

— Проходите. Возьмите паспорт и сумку.

Снова характерный щелчок. Очередная дверь-решётка открывается.

Вхожу в узкий коридор.

Теперь встречает невысокая охранница в камуфляжной форме. Обращаю внимание, что личико у неё конопатое, нос вздёрнут, из-под форменной фуражки, похожей на бейсболку, видна рыжая косичка, глаза светлые с зеленинкой. В правой руке поводок, рядом собака.

«Овчарка, немецкая», — отмечаю я.

Собака сидит и внимательно смотрит на меня коричневыми глазами. Челюсти закрыты забралом намордника.

— Стойте. Сумку положите на лавку. Отойдите на два шага в сторону.

Я снова беспрекословно выполняю команды, не задумываясь, не принимая решений — куда ступить, как повернуться.

«Как робот. Я лишён воли. Это и есть неволя. НЕ воля, не ВОЛЯ. Я невольник,— мои мысли скользят отстранённо от контекста текущих действий.— Это и есть настоящая воля — думать».

Это мой свободный выбор — стать невольником. Родство крови обязывает и связывает меня с братом. Здесь, сейчас реализуются братские узы.

«Узилище — это и есть тюрьма, кажется, и „узел“ — от одного корня», — снова заключаю я.

Собака обнюхивает меня снизу вверх, её рост позволяет сделать это примерно на уровне штанов, то есть до пояса. Затем она нюхает сумку и, не проявив интереса, отходит. Проводница собаки гладит ей загривок.

— Пошли, Сима.

Они уходят по коридору и исчезают за поворотом, оставив меня с осознанием того, что не нашли, чего искали, того, чего у меня не было.

«Сима — значит, самка. Самок в собачьем мире называют суками».

И снова логика моих рассуждений обрывается.

— Проходите сюда. Сумку возьмите.

Звучит скорее как просьба, чем как команда. В сумке передача брату, судьба которой и решится сейчас.

Подхожу к столу, вернее, к двум, поставленным в торец и поперёк коридора, почти перегородившая его.

За столом стоят две девушки, лет по двадцать пять, не больше, обе в форме, которая сидит как влитая на ладных фигурках, но в дополнение на них поварские фартуки, а на руках хирургические латексные перчатки, как мне показалось, или аналоги.

«Как в операционной», — это мои аллюзии.

Здороваемся.

— Выкладывайте!

Выкладываю на стол припасы: пакеты с чаем, конфетами четырёх видов, три пачки с печеньем, пакетик мятных пряников, двадцать пачек сигарет, ножнички-бокоре́зы для стрижки ногтей.

И вдруг обнаруживаю, что забыл положить спички! Чувствую себя немного расстроенным.

Ну что же, брат, наверное, будет вынужден нарушить один из постулатов зэка: «Не верь. Не бойся. Не проси».

«Ладно, выкрутится, не новичок же. Обмен вроде никто не отменял в столь закрытом заведении».

Разложив в рядок принесённую мной передачку-припасы, служащая, что слева от меня, деловито вскрыла ножом шуршащий магазинный пакет с чаем, пересыпала в другой мягкий упаковочный пакет. Поставила на весы. Сверила со списком, составленным мной.

В это время другая контролёр внимательно осматривает пачки с сигаретами, две откладывает в сторону, вскрывает

и перекладывает сигаретки в целлофановый пакет. Затем вскрывает остальные восемнадцать пачек и на небольшой разделочной доске пытается отрезать все фильтры! Нож явно тупой, и силы руки этой девушки недостаточно для отрезания фильтров пука сигарет.

Она читает недоумение на моём лице.

— Вот видите,— объясняет она,— на фильтре нанесён значок,— показывает маленький зелёный цветок около фильтра.— Такие сигареты не пропускают, нужно обязательно удалить фильтры.

— Можно, помогу?

— Пожалуйста,— улыбается.

Первая продолжает деловито вскрывать пакеты с конфетами, взвешивает, что-то записывает в декларацию, принесённую мной. Но удалять обёртки-фантики не предложила, слава Богу!

Я быстро обламываю фильтры и думаю: «Как же он будет курить эти обломки? Может, через мундштук?»

Наконец досмотр передачи завершился. Ничего незволенного обнаружено не было. Я расписался под каждой поправкой в декларации, что согласен с уточнённым весом чая, сахара, конфет, печенья.

— Что дальше? — спрашиваю я.

— Свободны! — почти одновременно отвечают мне девушки и радушно улыбаются.

— До свидания.

Я честно выполнил свой братний долг, удовлетворил просьбу — деньги и передачку передал. Подсластил несладкую эковскую жизнь.

А вот на свидание я не попал. Заранее надо было подать заявление.

Обратный путь был прост, то есть без досмотра, а значит, быстро.

Я выскочил за двери, в которые вошёл, и оказался на свободе!

Воздух тут прозрачней, даль открывается необъятная, и я волен двигаться куда хочу или стоять столбом сколько пожелаю.

Свобода вкусна, как вода после жажды!

И ещё — лицо у надзирателей в основном-то женское и молодое.